

В этот момент Сюэ Динъюань не только ответил, но и пошёл в наступление, что заставило её сразу же сдаться. Она отползала, катаясь по земле, и начала кричать:

— Сюэ Динъюань, что ты делаешь? Ты хочешь меня побить? Если ты не хочешь меня содержать — это одно, но ты ещё и собираешься меня бить? Я... я подам на тебя в суд!

Сюэ Динъюань усмехнулся:

— Ты подашь на меня? Мне всего шестнадцать, мне ещё нет восемнадцати. Подавать на суд буду я — за то, что ты меня бросила. Поняла?

Чжан Цуйлань продолжала отползать, дрожа от страха, но всё ещё несла чушь:

— Я ничего не понимаю! Я знаю только, что я твоя мать, я вырастила тебя до шестнадцати лет. Теперь твоя очередь меня отблагодарить, а если не будешь — тебя молнией побьёт!

— Молния должна ударить тебя!

Сюэ Динъюань шёл вперёд, наступая:

— Ты только что послала меня в горы, да? С шести лет ты кидала меня у подножия горы и говорила: не наполнишь корзину — не приходи домой. Та корзина была меня выше! Я собирал грибы до полуночи, вернулся домой, а ты заперла калитку. Я стучал, стучал, ты не открывала. Мой брат просил тебя открыть, а ты ему не разрешила выходить. Если бы не дядя Чжан, староста деревни, который приютил меня, я бы в ту ночь замёрз насмерть!

— А на следующий день? На следующий день ты меня избивала, потому что я вернулся поздно и ты не поела грибов. Чжан Цуйлань, у тебя есть совесть?

— Сколько себя помню — меня били через день!

Сюэ Динъюань разорвал на себе одежду, показав тело, всё покрытое шрамами:

— Все эти годы я не сдох только потому, что жизнь у меня тяжёлая, а небеса меня не забирают!

— Я тебя должен содержать? С какой стати я тебя должен содержать? Не говоря уж о том, сколько я горя хлебнул и сколько раз меня били, — вот всего несколько дней назад, когда я так болел, ты хотела продать меня Цяо Саню. Любой человек с крупницей совести, с частицей человечности не сделал бы такого. Если бы не Чу Хуншэн, который отдал за меня свою землю, я бы, наверное, уже был призраком, и тогда бы сбылись мои слова, что я, даже став призраком, тебя не отпущу!

— И что теперь? Я выжил, я вернулся к жизни, а ты всё ещё хочешь на мне заработать! Пусть ты и растила меня шестнадцать лет, но ту жизнь я тебе уже вернул. Теперь я заново живу и буду жить для себя! Слушай меня внимательно: ты больше не получишь от меня никакой выгоды. С сегодняшнего дня между нами нет никаких связей. Я могу не учиться, могу пойти работать, но говорю тебе: деньги, которые я заработаю, тебе не достанутся ни копейки!

Когда дело коснулось денег, Чжан Цуйлань немного воспрянула духом:

— Ты посмеешь? Все деньги, что ты заработаешь — мои! Ты...

Сюэ Динъюань презрительно посмотрел на Чжан Цуйлань:

— Не веришь — попробуй! Если ты меня доведёшь, мы тогда ляжем костью, посмотрим, кого больше боится!

Чжан Цуйлань с недоверием смотрела на Сюэ Динъюань. Она не понимала, почему он вдруг стал таким решительным, но знала, что её дни власти прошли. Она села на землю и разразилась громким ревом.

Сюэ Динъюань, увидев, что она больше не лезет к нему, кивнул окружающим и снова стал приветливым.

Большинство жителей деревни, которые обычно не любили Чжан Цуйлань, не только не стали её утешать, но и подошли к Сюэ Динъюаню, похлопав по плечу:

— Тебе давно надо было так сделать!

— Если бы ты раньше смог так дать отпор, тебе бы не пришлось столько страдать.

— Недаром ты в школе учился, говоришь складно, молодец!

— С такой матерью тебе правда досталось, зато теперь всё будет хорошо, жизнь наладится.

— Твоя мать... Жаль только, если бы она дала тебе дальше учиться, было бы хорошо. Не понимаю, почему она такая бессердечная.

Сюэ Динъюань добродушно улыбался людям в ответ.

Но все спешили по домам, поговорили немного и разошлись. Когда люди разошлись, Сюэ Динъюань заметил, что Чу Хуншэн всё это время тут был.

Он быстрым шагом подошёл к Чу Хуншэну:

— Почему ты не поспал подольше? Зачем сюда пришёл?

Чу Хуншэн проснулся и обнаружил, что Сюэ Динъюаня нет в доме. Думал, он во дворе гуляет, но и там его не было. Он... немного переживал.

Хотя Сюэ Динъюань и сказал, что не вернётся, но Чжан Цуйлань такая необузданная, вдруг бы его силой затащила обратно?

Поэтому он поспешил выйти, посмотреть, что происходит. Хорошо, по дороге встретил человека, который сказал, что Сюэ Динъюань пошёл в горы.

Он немного разозлился, думал: зачем Сюэ Динъюань, который только поправился, бегаёт где попало? Но всё же поспешил к горам, надеясь найти человека.

Пришёл — и увидел такую сцену...

Сначала он хотел сразу прорваться и заступиться за Сюэ Динъюаня, но не успел сделать и пару шагов, как услышал, как тот заставил Чжан Цуйлань потерять дар речи.

Поэтому он остановился.

Потом он услышал, как жители говорили, что Сюэ Динъюань — заслуженно хороший ученик... Он немного растерялся: наверное, он не сможет позволить Сюэ Динъюаню продолжить учёбу.

Старшая школа и университет — это не обязательное образование, а там всё требует денег...

Он так задумался, что даже не заметил, как там всё закончилось, и Сюэ Динъюань застал его врасплох.

Чу Хуншэн, услышав обращение Сюэ Динъюаня, очнулся и посмотрел на него:

— Тебе нравится учиться?

Сюэ Динъюань кивнул, но тут же покачал головой:

— Пошли, домой!

Чу Хуншэн, взглянув на его выражение лица, ничего не сказал, просто подошёл, снял с его спины корзину и надел на себя.

Сюэ Динъюань тут же потянулся забрать:

— Дай мне, дай мне, она не такая уж тяжёлая!

Но Чу Хуншэн крепко вцепился в корзину и зашагал широким шагом.

Сюэ Динъюань, хоть и был в неплохой форме, но по сравнению с Чу Хуншэном...

Поэтому ему пришлось семенить за ним:

— Я приготовлю, когда вернёмся! Я грибную пасту делаю — очень вкусно, ещё умею грибной суп варить, вообще жареные грибы тоже ничего...

У Чу Хуншэна настроение было немного раздражённым, но слушая, как Сюэ Динъюань бежит сзади и говорит эти бытовые вещи, он почувствовал, что настроение улучшилось, уголки губ сами собой приподнялись.

Сюэ Динъюань, наконец-то догнав Чу Хуншэна, увидел такое слегка довольное выражение лица.

Он впервые видел Чу Хуншэна таким. Раньше ему казалось, что Чу Хуншэн либо злой, либо ещё злее, поэтому он даже застыл.

Чу Хуншэн тут же опустил уголки губ:

— Впредь тебе не нужно этим заниматься.

— Но я же не могу просто так есть и пить, я должен делать то, что в силах, — Сюэ Динъюань спорил. — И я не могу просто так пользоваться твоими деньгами...

Не успел он договорить, как выражение лица Чу Хуншэна стало ещё злее:

— Когда... когда ты полностью поправишься, мы оформим тебе документы, мы...

Чу Хуншэн замолчал, потом продолжил:

— Мы пойдём каждый своей дорогой, разойдёмся.

Сказав это, он зашагал вперёд, а Сюэ Динъюань на секунду замер на месте, почему-то

почувствовав, что Чу Хуншэн говорил так, будто они оформляют развод, и потом между ними ничего не будет!

От этой мысли ему стало не по себе, и он поспешил догнать Чу Хуншэна.

Он больше не стал говорить, что обязательно оплатит — эти слова лишние, особенно когда знаешь, что человек не любит их слышать.

Вернувшись, оба пошли на кухню. Сюэ Динъюань мыл грибы, а Чу Хуншэн присел к рисовой кадке, посмотрел, зачерпнул половину и поставил варить рис.

А Сюэ Динъюань уже развёл огонь и положил грибы в котёл.

Чу Хуншэн посмотрел, потом вышел из дома и пошёл в деревенский магазин.

Подойдя к магазину, он порылся в кармане — хотя врач и сказал, что с Сюэ Динъюанем всё в порядке, он всё же хотел хорошо полечить его раны, поэтому из 2 600 осталось всего две сотки.

Ещё когда лечил мать, Чу Хуншэн узнал, что значит «нет ни гроша»...

Он купил два с половиной килограмма риса, вернулся домой — Сюэ Динъюань уже сделал грибную пасту, обжарил грибы, но суп не сделал.

Рис был готов, Сюэ Динъюань не стал ждать Чу Хуншэна, наложил две миски риса на стол.

Чу Хуншэн ел с аппетитом — это же Сюэ Динъюань приготовил.

После еды Сюэ Динъюань сам пошёл мыть посуду, но Чу Хуншэн его остановил. Когда он быстро управился, уже начало темнеть.

<http://bllate.org/book/16745/1561596>